

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . . 70 pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 7 (339)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359,84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

10 Апреля 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: “Bâtiment 11”

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: В борьбе за мир.
А. Югов. Государственный бюджет 1935 года.
И. Греков. Политические заметки: «Бди!» — Инженеры на цепи. — Пропаший тост.
Г. Аронсон. На задворках диктатуры (Евсекция в политике и литературе).
Ссылка за «единый фронт».
Партийная трибуна: О. Доманевская. Социально-экономический и культурный подъем советской деревни.

Заграницей: Переезд секретариата РСИ в Брюссель. — Бельгийские социалисты в правительстве. — Пьер Ренодэль (некролог).

По России: В ожидании войны. — Настроение верхов и обывателя. — Каганович на транспорте. — Жизнь стало легче. — Продукты подешевели. — Недовольство зарплатами.

Из Партии: Банкет в честь тов. Абрамовича в Нью-Йорке. **Издания, поступившие в редакцию.** — Почтовый ящик. — От редакции.

Фельетон: Ю. Грин. Международная аграрная политика за годы кризиса.

В БОРЬБЕ ЗА МИР

16 марта Гитлер объявил о введении всеобщей воинской повинности в Германии. Создание военной авиации было еще за несколько дней до того возведено генералом Герингом. Возрождение мощного военного флота стоит на очереди. Эти демонстративные жесты германского фашизма не создают нового международного положения. Они лишь «высказывают то, что есть», что всем хорошо известно было и до того: Версальский договор в той части своей, которая продиктовала одностороннее разоружение Германии, перестал существовать, превратился в «клочок бумаги».

Клочком бумаги он стал, в сущности, и во всех других своих частях. Те планы Гитлера, которые раскрылись перед английскими министрами в ходе их бесед с «фюрером», были секретом лишь для того, кто упорно хотел закрывать глаза на действительность и тешить себя иллюзиями. Территориальных и политических статей Версальского договора фашистская Германия так же не признает и не считает для себя обязательными, как и военных статей его. Не только уничтожение польского корридора, возвращение Данцига и Мемеля и общее расширение границ на востоке; не только воссоединение Австрии и немецких округов Чехословакии на юго-востоке; но, вопреки всем словесным заверениям, и обратное отнятие Шлезвига у Дании, округа Эупен-Мальмеди у Бельгии, Эльзас-Лотарингии у Франции на западе поставлено в порядок дня, как в порядок дня поставлено и возвращение отнятых у Германии колоний. Никто не может предсказать, с какого конца начнется

осуществление этих планов. Но нет сомнения, что Гитлер вынужден будет приступить к их осуществлению в тот день, когда нагромождение внутренних затруднений и противоречий заставит его искать «отвлекающего» выхода во внешне-политических авантюрах. Этот день будет днем начала европейской, вероятно — мировой войны. Тешить себя иллюзиями не приходится: фашистский режим в Германии — это неизбежная война! Только его падение — предпосылка мира.

Вся атмосфера так насыщена ядовитым дыханием этой грядущей войны, что лихорадка, давно уже трясающая международную дипломатию, превращается в настоящий пароксизм. Министры иностранных дел то и дело скачут из столицы в столицу, спасая гибнущий мир. За свиданием Лавалля с Муссолини, этим боржом за мир в Европе и за войну в Африке, последовала поездка Лавалля в Англию. Затем состоялось свидание представителей Франции, Англии и Италии в Париже, непосредственно предшествовавшее поездке Саймона и Идена в Берлин. Из Берлина Иден направился в Москву, а оттуда в Варшаву и Прагу. Тем временем румынский министр иностранных дел Титулеску, посетив попутно ряд малых столиц, явился с визитом в Париж и собирается предпринять путешествие в Москву. В Москву же, с заездом на обратном пути в Варшаву, собирается Лаваль. 15 апреля Лиге Наций придется заняться рассмотрением французской жалобы на Германию. Этой сессии международного ареопага будет предшествовать 11 апреля совещание Лавалля, Саймона и Муссолини в Стре-

зе. Как видим, дипломатам приходится больше времени проводить в железнодорожных вагонах, аэропланах и отелях, чем в своих министерских кабинетах.

Конференции в Стресе предстоит еще раз наметить основы совместных действий Франции, Англии и Италии, которые, правда, намечались уже десятки раз и, казалось, — так уверяла, по крайней мере, всегда оптимистически настроенная официальная и официозно инспирируемая пресса этих трех стран, — окончательно и бесповоротно были установлены в декларации 3 февраля, явившейся плодом лондонских англо-французских переговоров. Эта декларация наметила целостную и во всех частях своих неразрывно связанную программу обеспечения мира в Европе. Локарнский пакт 1926 года, которым Англия, Франция, Италия, Германия и Бельгия взаимно гарантировали свои современные границы и взаимно обязались помогать друг другу против нападающего, должен быть дополнен двумя другими, гарантированными Англией, Францией и Италией и по содержанию своему однородными, региональными пактами: дунайским, который свяжет Германию с странами, расположенными в бассейне Дуная, и восточным, который свяжет ее же со всеми европейскими странами, расположенными на восток от нее и, прежде всего, с Советской Россией. Таким образом будет построена целая система взаимно-переплетающихся пактов, в своей совокупности охватывающих все «военно-опасные» страны Европы и создающих тем самым коллективную систему европейской безопасности, на основе которой станут возможными, в рамках формального равноправия, регулирование и ограничение вооружений (говорить о разоружении вышло уже из моды!), взаимная помощь против нападающего и, в частности, заключение пактов о взаимной помощи против самого опасного, потому что самого внезапного, нападения — воздушно-го.

Эту программу обеспечения европейского мира можно было бы признать превосходную, если бы — если бы она имела хоть малейшие шансы на осуществление. Но, не поддаваясь самообману, нельзя не видеть, что этих шансов она не имеет. Она их не имеет потому, что ни к дунайскому, ни, тем более, к восточному пакту в том виде, как они проектируются, фашистская Германия никогда и ни при каких условиях не примкнет: присоединение к ним было бы для национал-социалистической политики и для национал-социалистического режима актом самоубийства, к которому национал-социалистические убийцы никакой склонности не обнаруживают. К восточному-ли, к дунайскому-ли пакту Германия присоединится лишь в том случае, если им будет придан вид, лишающий их всякого реального значения.

Но совершенно невероятным представляется и согласие Польши на эти пакты. Если даже принять на веру, что между Польшей и Германией не существует никакого тайного соглашения, в котором Пилсудский, учитывая неодолимый напор германского фашизма, заранее выговаривал бы себе известные «компенсации» (за счет Советской России или за счет прибалтийских стран) за вынужденную уступку «корридора», то и тогда трудно допустить, что Польша согласится добровольно предложить свою территорию в качестве театра войны на случай германско-советского столкновения, и еще труднее предположить, что она захочет взять на себя обязательство встать против Германии на защиту Австрии и, особенно, Чехословакии, на известные части которой она сама точит зубы.

Но без Германии и Польши дунайский и, особенно, восточный пакт превращаются, пусть в оборонительные,

но пакты против Германии и Польши. А к таким пактам — на этот счет также не следует питать никаких иллюзий, — никогда не примкнет и их никогда не гарантирует Великобритания. Или, точнее, она гарантирует их — если гарантирует — лишь на основе таких «компромиссных» формул, которые лишат действительной силы и пакты, и ее гарантию. В этом смысле достаточно характерен текст официального сообщения о ходе и результатах московских англо-советских переговоров: мысль, что «наилучшим» разрешением проблемы восточного пакта было бы участие в нем Германии и Польши, и что, следовательно, возможно иное, хоть и не «наилучшее», разрешение этой проблемы, в сообщении специально подчеркивается, как мысль, принадлежащая Сталину, Молотову и Литвинову. Их английский собеседник на себя ответственности за эту мысль не взял, и еще менее оснований есть думать, что ее захочет сделать своею английское правительство. Но и те «компромиссные» идеи, которые Иден успел уже высказать в беседах с Беком и Пилсудским и которые сводятся к замене региональных пактов пактом «обще-европейским», «в рамках Лиги Наций», также служат настойчивым предостережением против всяких иллюзий на этот счет. Все это говорит за то, что, при невозможности организовать единую систему безопасности и при распаде Европы на противостоящие друг другу группы, Англия, связанная своей традиционной политикой «равновесия» и давлением своих рассеянных по всему земному шару доминионов и колоний, как и перед 1914 годом, до последней минуты не захочет и не сможет встать определенно на сторону одной из этих группировок; что она, как и тогда, до последней минуты будет колебаться между политикой изоляции Гитлера, загоняющей его в тупик, из которого для него нет другого выхода, кроме войны, и политикой соглашения с ним, которая лишь повышает его arrogance и агрессивность и тем самым тоже, с другого конца, накликает войну; что, как и тогда, она не сможет ни предотвратить войны, ни остаться в стороне от нее, но займет место в свалке лишь в последнюю минуту, когда голос дипломатических нот уже сменится голосом пушек.

Ибо и на этот счет не надо заблуждаться: пакты без и, следовательно, против Германии, это — уже не обеспечение мира, а подготовка к войне. Говорят: но это не военные союзы старого времени, ибо двери для всех, в том числе для Германии, остаются открытыми. Да, формально это так. Но за формой не надо упускать из виду существа дела. На деле же пакты, включающие в себя военную взаимоподдержку против нападающего, обязательно предполагают переговоры между генеральными штабами о пехотных корпусах, кавалерии, артиллерии, флоте и воздушных эскадрильях, которые при случае будут пушены в ход для осуществления этой поддержки. И если при этом заранее указан перстом и возможный «агрессор» в лице отказавшихся от участия в пакте стран, то трудно думать, чтобы переговоры между специалистами военного дела не коснулись заранее и всех вытекающих отсюда стратегических и тактических проблем. Что же остается от разницы между старыми военными союзами и новой военной взаимопомощью, кроме формы и слова? «Оборонительными» были, ведь, и старые союзы!

Подобно старым военным союзам, и новая взаимопомощь возлагает надежды на сохранение мира на возможность заранее запугать противника превосходством военных сил, которые будут ему противопоставлены. Эта надежда никогда не оправдывалась. И менее всего имеет она шансов оправдаться в применении к режиму, вся

динамика которого гонит его к военным авантюрам. А к тому же Гитлер знает, что в его руках находятся козыри, дающие ему много очков вперед перед его противниками, и помимо колоссального военно-промышленного «потенциала» Германии.

Что радикальный пересмотр всех условий, созданных Версальским и иными договорами, есть историческая необходимость, неудовлетворение которой неизбежно ввергнет Европу и весь мир в экономический, политический и военный хаос, — это международный социализм провозгласил на следующий же день по окончании войны. Но осуществить этот пересмотр мирными, демократическими путями господствующая буржуазия оказалась неспособной. Теперь его контр-революционными и воинственными путями осуществляет торжествующий германский фашизм, и он хорошо знает, как безнадежна, потому что исторически реакционна (Саар был маленьким напоминанием об этом!), всякая политика, основанная на стремлении консервировать и увековечить исторически пережившие себя отношения. Он хорошо знает, что его политике контр-революционного «ревизионизма», взрожденной бессилием и банкротством буржуазно-демократического консерватизма, могла бы с успехом быть противопоставлена ныне лишь политика «ревизионизма» социальнореволюционного. И он хорошо знает, что этой революции, — которая, свегнув последний, фашистский оплот капитализма в Германии, одной из самых передовых стран капиталистического мира, грозила бы столкнуть в пропасть весь мировой капитализм, — буржуазия всех стран боится, как огня; что, обуянная этим страхом, она не смеет в борьбе за мир прибегать против вождя германского фашизма к тем революционным методам, которые единственно могли бы оказаться действительными, как не посмеет и войну против него, если она разразится, вести так, чтобы раздавить в его лице не только представителя германского «отечества», но и надежную опору капитализма; что, в крайнем случае, она выдвинет, в качестве «цели войны», распад или раздел Германии, исторически еще более реакционный, чем Версальский «диктат», и потому еще более катастрофичный по своим последствиям. Вот историческая ситуация, при которой не только английская буржуазия колеблется между изоляцией Гитлера и сговором с ним, при которой итальянский фашизм становится «арбитром мира», а германский — «арбитром войны», и при которой мир безвольно и автоматически катится к военной катастрофе.

При таких условиях социализм может и должен проповедывать лозунги «коллективной системы безопасности» с Германией или без нее, соглашения о разоружении с Германией или без нее и т. п., но он может и должен проповедывать их в неразрывной связи с пропагандой другой идеи: идеи, что все эти лозунги останутся бесплотными формулами в руках буржуазии; что не будет ни разоружения, ни мира, ни даже подлинной победы над фашизмом в войне, если исполнительницей всех этих задач останется капиталистическая буржуазия; что лишь в руках рабочего класса, пришедшего к власти, облекутся эти лозунги в плоть и кровь, станут действительным орудием борьбы за мир и за спасение человеческой цивилизации от гибели, если фашистское вырождение капитализма бросит человечество в новую кровавую бойню. Надо сказать ясно и определенно: единственно подлинно-, а не мнимо-практическая политика социализма в борьбе за мир есть политика, которая на минуту не упускает из виду, что судьбы мира решаются в «беге на скорость» между социальной революцией и войною, и которая руководящею идеею своею делает поэтому борьбу за власть рабочего класса.

*

**

После всего сказанного выше мы можем быть краткими в оценке тех важных событий, центром которых был за последние недели Советский Союз, уже по своей роли в судьбах восточного пакта занимающий особое место в борьбе за организацию коллективной системы безопасности. Советский Союз бесповоротно примкнул к этой системе, и мы уже не раз имели случай говорить, как о положительных сторонах его участия в ней, так и о тех опасностях, которые вытекают из этого участия для революционной страны. К новым фактам в этой области надо также подходить с открытыми глазами, не опьяняясь обязательно-оптимистическими фразами казенных реляций и сообщений.

Нуждаясь в мире и страстно желая мира, правительство Союза сделало бесконечно много, чтобы обеспечить свое прочное включение в систему безопасности, представляющуюся в данный момент единственной гарантией от гитлеровской агрессии.

Оно, прежде всего, постаралось развязать себе руки и обезопасить свой тыл на Дальнем Востоке. Без конца тянувшиеся переговоры о продаже В.-К. ж. д. были быстро приведены к концу. Эта продажа и в материальном, и в морально-политическом отношении была тяжелой жертвой для Советского Союза, и советское правительство поступило бы достойнее, если бы открыто сказало об этом народным массам, открыто признало, что продажа была для него вынужденной и что дорога уступлена едва-ли не за двадцатую часть ее действительной стоимости, а не пыталось устами своих публицистов (тщательно замазывающих и замалчивающих удар «бронированным кулаком» по Китаю в 1929 году!) задним числом раз'яснять, что оно, в сущности, всегда смотрело на дорогу, как на «проклятое наследие царизма», и если в свое время не вернуло это наследие китайцам, то единственно потому, что в это империалистическое предприятие были вложены «народные деньги» (как будто бывают на свете империалистические предприятия, осуществляемые не на «деньги народов!»). Но отдачи дороги жертвы не ограничиваются. Никаким обменом любезностей между Литвиновым и Хиротой нельзя скрыть того факта, что Советскому Союзу предъявлен целый ряд новых требований, в число которых входят и концессии на рыбные промысла, и продажа советской части Сахалина, и срытие укреплений, и разрушение авиационных баз, и общая демилитаризация всей дальневосточной пограничной полосы, и что советское правительство уже выразило согласие на переговоры по всем этим пунктам и, конечно, будет вынуждено пойти на ряд существеннейших уступок, не получая взамен никаких других гарантий прочности японского «миролюбия», кроме приветственных телеграмм и ласковых банкетных речей.

Существенные посулы не только в смысле экономических взаимоотношений с Англией, но и в смысле ликвидации всех элементов своей политики в Средней Азии, в Афганистане и китайской Восточном Туркестане, в которых Англия могла бы усмотреть угрозу безопасности своим индийским владениям (о пропаганде Коминтерна и говорить уже не приходится!), пришлось советскому правительству сделать и в разговорах с Иденом, чтобы добиться констатации отсутствия сколько-нибудь серьезных разногласий между Советским Союзом и Великобританиею и тем самым побудить последнюю, если не к активному участию в восточном пакте «без Германии», то, по крайней мере, хоть к дружественному нейтралитету по отношению к такому пакту*). Можно не сомневаться в том, что и москов-

*) Разумеется, во всей внешней политике большевизма и, в частности, в азиатской политике его было и есть много авантюристически-утопического, отказ от чего можно толь-

ские собеседования с Лавалем не обойдутся со стороны советского правительства без известных экономических и политических уступок, которые могут принять и очень серьезный характер, если подтвердятся слухи о 2-миллиардном французском займе на оборудование и расширение советского железнодорожного транспорта и если уступками придется компенсировать этот заем и гарантировать его производительное употребление и своевременный выкуп.

При таких условиях приходится предоставить коммунистам, советским и заграничным, беспримесную радость по тому случаю, что сам английский министр был поражен трезвостью взглядов, широтой размаха и реализмом сталинской мысли. Для нас гораздо важнее констатировать, что бесспорный политический реализм Сталина и всего советского правительства в том и выразился, что они трезво учли и приняли те условия, на которых только и возможно включение Советского Союза в коллективную систему европейской безопасности и которые отводят ему в этой системе — увы! — вовсе ко приветствовать. Но в данной связи существенно, что отказ этот делается не добровольно, а в порядке **вынужденных** уступок.

не ту величественную роль командира, о которой повествует своим читателям коммунистическая пресса, а скромную роль фактора, которому придется, вероятно, нести максимальные жертвы, но который уже вынужден, и чем дальше, тем больше будет вынужден подчинять свою политику «видам и предназначениям» других факторов, играющих первую скрипку в «европейском концерте». И эту цену он может купить себе лишь ту весьма условную безопасность и тот весьма условный мир, относительность и шаткость которых мы старались выше показать.

Нам незачем еще раз напоминать о тех опасностях для революционной страны, которые связаны с та к и м участием Советского Союза в международной борьбе за мир, и незачем еще раз доказывать, что лишь коренное изменение внутренне-политического положения Союза может изменить и характер той внешне-политической роли, которую он играет и может играть. Если верно, что ключ к судьбам борьбы за мир лежит в борьбе международного пролетариата за власть и за социализм, то не менее верно, что ключ к внешне-политическим судьбам Советского Союза лежит в возрождении самостоятельной энергии его трудящихся масс.

Государственный бюджет 1935 года

На последней сессии ВЦИК'а СССР принят проект государственного бюджета на 1935 год.

Как бы скептически ни относиться к советской финансовой отчетности, однако, опубликованный документ несомненно отражает важнейшие происходящие в стране процессы, связанные с распределением народного дохода и поэтому заслуживает самого серьезного внимания.

С 1932 г. все расходы и доходы государственных органов проводятся по двум сводным бюджетам: еди-

ному, включающему бюджет Союза и союзных республик, и местному — городских и сельских советов. Сессия ЦИК'а утвердила проект единого государственного бюджета. На оценке некоторых моментов его мы и остановимся.

Раньше всего обращает внимание гигантский размер и совершенно невиданный темп роста советских госбюджетов. В 1929 г. приходная смета бюджета была равна 8,2 млрд. руб., в 1934 г. — 48,8 млрд. руб., а в 1935 г. проект намечает получение 65,9 млрд. руб. За 6 лет увеличение в восемь раз!

Международная аграрная политика за годы кризиса

Аграрный кризис, в отличие от промышленного, почти не вызвал сокращения мирового производства. Как видно из следующих индексных цифр Экономического Отдела Лиги Наций, мировое аграрное производство развивалось следующим образом:

	1928 г. = 100.					
	Годы:	1929	1930	1931	1932	1933
Продовольствен. продукты		100	100	99	101	100
Аграрное сырье		104	102	102	97	99

Эта устойчивость, обнаруживаемая и производством с.-х. сырья, поражает тем более, что одновременно мировое производство промышленного сырья в среднем сократилось на 30%.

Если в начале прошлого столетия Мальтус пессимистически предсказывал неминуемое вымирание от голода, вследствие того что рост человечества значительно опережает рост хлебного производства, то в действительности оказалось, что рост производительных сил в сельском хозяйстве опережает рост населения. За годы кризиса капитализм обнаружил то безумие, которое его апологету Мальтусу и не снилось, а именно, что при наличии огромных избытков аграрных продуктов, миллионы безработных обречены на недоедание. Накопленные мировые запасы хлеба наглядно иллюстрируются следующими индексными цифрами:

Средние запасы за 1925-1929 гг. = 100.

К 1-8-1928 К 1-8-1933

В 4-х экспортирующих странах: Соед. Шт., Канада, Аргентина, Австралия	106	228
В экспорт. Дунайских странах	61	70
В импорт. европ. странах	104	118
Во всем мире (без СССР)	102	159

Тут поражает не только чрезвычайная перегруженность заокеанских рынков, но и рост запасов в импортирующих европейских странах. Это является последствием аграрной политики эпохи автаркии, т. е. оголтелого экономического национализма, вызвавшего новые формы аграрного протекционизма и глубокие изменения всего международного товарообмена с.-х. продуктов. Дело в том, что рост запасов в заокеанских экспортирующих странах вызван не только сокращением ввоза европейских стран вследствие падения их покупательной силы за годы кризиса, но и в результате поощрения ими с.-х. производства в целях самоснабжения. Этим и объясняется, что мировое производство не сократилось за годы кризиса, так как параллельно с сокращением посевных площадей в экспортирующих заокеанских странах, за 1928-33 гг. происходило увеличение посевных площадей в импортирующих европейских странах.

Ни одна страна ни в одну из эпох не знала такого роста!

Три обстоятельства определяют этот рост бюджета: быстрое возрастание национального дохода СССР, все более расширяющийся охват госбюджетом всех сторон хозяйственной жизни страны, притом и таких, которые нигде и никогда ранее не обслуживались государством, и, наконец, усиление падения покупательной ценности рубля и соответственное вздорожание цен.

Метод, которым исчисляется в СССР народный доход, весьма туманен и загадочен. Официальные отчеты дают несхожие размеры народного дохода за один и тот же год. Хотя формально исчисление производится в твердых ценах 1926/27 г., но сами советские экономисты признают, что расценка новых товаров и продуктов осуществляется весьма произвольно. Но так как теми же методами было произведено исчисление и многих статей госбюджета, то можно произвести сравнение роста народного дохода и госбюджета.

В 1929 г. народный доход по официальным данным был равен 28,9 млрд. руб., а в 1935 г. — 67,7 млрд. руб., т. е. возрос за эти годы в 2,3 раза. Таким образом в 1929 г. госбюджет перераспределял 29%, а в 1935 г. уже 97,5% всего народного дохода. Следовательно, в 1935 г. государство распоряжается фактически всем народным доходом страны. Огосударствление всего хозяйства СССР достигло своего предела.

Какими же методами советское государство получает свои гигантские доходы? Получает, конечно, в последнем счете у населения. Оригинальность советской доходной части бюджета проявляется в том, что в последние годы роль прямых налогов постепенно падает и замещается одним универсальным своеобразным косвенным налогом: налогом с оборота. Если в капиталистических странах налог с оборота лишь полулегально перекладывается на потребителя, то в

СССР эта миссия формально и открыто возложена государством на налог с оборота. На все товары, производимые на предприятиях, или продающиеся в гославках, накладывается при продаже их около 12-28% их отпускной цены и эти «накидки» поступают в центральную кассу государства в виде налога с оборота. В руководящих кругах советской власти в последние годы победило течение, требующее, чтобы советское государство отказалось «от хлопотливой и неверной системы» взывания разнообразных прямых налогов, а возложила эту задачу на «механизм цен». В 1931 г. налог с оборота давал из 24 млрд. руб. дохода 10,5 млрд. руб., т. е. 44%. В 1935 г. — из 65,9 млрд. руб. дохода — 51,8 млрд. руб. предполагается получить по налогу с оборота, т. е. 81,8%. Если к этому добавить еще несколько миллиардов, получаемых этим же методом, но остающихся в качестве дохода на симих промышленных и коммерческих предприятиях, то исключительная роль «механизма цен» как источника госдоходов станет очевидной.

Вся политика последних лет и социальная нивелировка населения СССР predeterminedили объективную необходимость прибегать в максимальных размерах к введению косвенного обложения. Но в высшей степени характерно, что советские экономисты оправдывают и идеологически подобный «универсализм» косвенного обложения.

«Косвенные налоги неприемлемы для пролетарского государства...», — писали большевики в первые годы своего прихода к власти*). В 1925 г. орган Наркомфина уже признает, хотя и с некоторым смущением, что «путем прямого обложения практически бесконечно трудно настичь слои населения, имеющие минимальные излишки: здесь делу могут помочь лишь достаточно тонкие приемы, более или менее универсального косвенного обложения**).

*) «Социальная революция и финансы», изд. 1923 г. стр. 54.

***) «Вестник Финансов» № 11 1925 г.

Чрезвычайно интересным последствием этих противоположных тенденций развития, является тот факт, что в 1933 г. урожай хлебов в группе импортирующих европейских стран превысил впервые за многие годы урожай четырех экспортирующих стран (С. Штатов, Канады, Аргентины и Австралии). Достигнуто это было не только обычными мерами протекционизма, т. е. сильным повышением таможенных пошлин, но и новыми мерами, в виде контингентирования ввоза, государственными субсидиями и государственным регулированием размола, обязывающим мельницы примешивать определенный процент пшеницы или ржи внутреннего производства. Вследствие этой аграрной политики и вопреки все возрастающим мировым запасам, площадь посева увеличилась в 1933-34 г. по сравнению со средней площадью 1927-33 гг. на 17% в Германии, на 35% в Греции, на 43% в Латвии, на 17% в Литве, на 16 проц. в Швеции, на 11% в Чехословакии и на 2% во Франции. Это стремление к национальной независимости в снабжении с.-х. продуктами парализовало механизм мирового рынка и привело к снабжению не по ценам удешевленного, а по ценам искусственно удорожаемого производства.

Международный хлебный товарообмен не регулируется мировыми ценами. Цены на различных национальных рынках эмансипировались от мирового рынка. В некоторых странах хлебные цены больше, чем в три раза превышают мировые цены. Политика экономического национализма привела к той нелепости, что некоторые европейские государства субсидируют сво-

их с.-х. производителей, дабы они производили хлеб, который обходится втрое дороже, чем в заокеанских странах, где государство в то же время выдает фермерам субсидии, дабы они сокращали производство. В том и в другом случае субсидии оплачивают налогоплательщики и за эту политику расплачивается потребитель.

Рекорд автаркии побил, конечно, Гитлер, который за два года своей диктатуры посредством сплошного государственного регулирования так повысил аграрные цены, что по горделивому заявлению его министра земледелия, они в 3-4 раза превосходят мировые цены. Попутно Гитлер снизил заработную плату, вследствие чего реальная почасовая заработная плата ныне ниже в Германии, чем за все годы экономического кризиса. В то же время реальная почасовая заработная плата в Соед. Штатах повысилась на 21%, в Швеции — на 9% и в Англии на 13%, по сравнению с 1929 г., наилучшим годом конъюнктурного под'ема. Объясняется это тем, что в Швеции и Дании профессиональные союзы и социалистические правительства воспрепятствовали снижению заработной платы за годы кризиса, в Англии профессиональные союзы, оказав сопротивление, удержали снижение заработной платы в среднем на уровне 5%, а в Соед. Штатах профессиональным союзам удалось за время эксперимента Рузвельта добиться значительного увеличения номинальной и реальной заработной платы.

Во Франции аграрный протекционизм весьма удорожает стоимость жизни рабочих. Искусственно расширил поощрительной политикой производство, Франция те-

Теперь, к 1935 г., эта мечта Наркомфина выполнена: извлечение средств у населения утонченным приемом через механизм цен стало тем универсальным методом, телесообразность которого доказана жизнью, но более того соответствие которого духу, так называемого, пролетарского государства у коммунистов уже не вызывает сомнений.

Налог с оборота имеет все отрицательные черты обычных косвенных налогов: автоматизм взимания и невозможность дифференциации в отношении лиц различной обеспеченности. В прошлые годы, когда некоторым коррективом к этим обычным отрицательным сторонам косвенных налогов были классовые цены для различных социальных групп (рабочий рубль, крестьянский рубль, торгсиновский рубль и т. д.), автоматичность косвенных налогов несколько смягчалась. Но с текущего года, когда трудящиеся массы продукты своего потребления покупают преимущественно на открытом рынке, социальная несправедливость налога с оборота значительно увеличивается. Налогом с оборота обложены почти все товары. Но этот доход государству доставляют главным образом продукты широкого потребления. Тяжелая и лесная индустрия дают всего 10,3%, а индустрия, производящая предметы широкого потребления 89,7% всего налога с оборота, получаемого от промышленности. В текущем году впервые в число товаров, подлежащих обложению налогом с оборота, включен и хлеб. При продаже хлеба государство предполагает взыскать громадную сумму в 24 млрд. рубл. Очень возрос и специальный налог со спиртных напитков, он дает в 1935 г. 6 млрд. руб. в то время, как в 1926 г. он давал всего 150 млн. рубл. Рекордное возрастание в 40 раз!

Интересно отметить, что вся внешняя торговля, монопольно осуществляемая государством, дает страшно ничтожно малую сумму чистого дохода, 10,6 млн. руб.

Доходным источником того же порядка является до-

ход, который предполагается получить от «переоценки цен» на сырье и товары, находящиеся в распоряжении государства. Этим путем, т. е. через тот же механизм цен предполагается получить 2,3 млрд. руб.

Вторым по значению является доход, получаемый от «мобилизации средств населения», т. е. массовыми займами (3,5 млрд. руб.) и прямыми налогами (2,2 млрд. руб.). Мы видим, что так называемыми добровольными займами, как и в прошлые годы предполагается получить очень большую сумму и что прямые налоги почти совершенно потеряли свое значение в приходном бюджете.

Расходная часть бюджета исчислена в 65,4 млрд. руб. Не в пример частно-капиталистическим странам советский бюджет 1935 года не знает дефицита. Приходная часть превышает расходную на 500 млн. руб. Правильнее будет сказать, что советский бюджет не знает явной статьи дефицита, так как государственные внутренние займы и служат обычно для покрытия государственного дефицита.

На нужды народного хозяйства ассигнуется 35,1 млрд. руб., из которых 21,2 млрд. руб. идут на цели длительного вложения: 11,9 млрд. руб. на нужды капитального строительства и 9,3 млрд. р. на освоение начинающих работать предприятий. На нужды индустрии ассигновано 15,3 млрд. руб., на нужды сельского хозяйства — 7,1 млрд. руб., на нужды государственной торговли — 4,9 млрд. руб., на пути сообщения — 3,6 млрд. руб.

На цели обороны страны ассигнуется в текущем году 6,5 млрд. руб., т. е. сумма, превышающая ассигновку прошлого года в четыре раза. Сознание опасности и близости войны получило свое отражение в таком громадном росте военной статьи бюджета. Следует отметить, что на цели обороны фактически расходуются гораздо большие суммы, так как значительная часть расходов на военную технику проходит по бюджетам хозяйственных комиссариатов.

На социально-культурные мероприятия

перь бьется над разрешением своей «хлебной проблемы». Эта аграрная политика самоснабжения привела к тому абсурду, что, по признанию министра-президента Фландэна, «каждый квинтал хлеба, который Франция теперь вывозит, обходится государству, т. е. французскому налогоплательщику, в 65 фразков, что дает возможность иностранному рабочему получать французский хлеб за половину той цены, которую платят за него французские рабочие». Иными словами, стоимость производства французского хлеба настолько превышает мировые цены, что французское правительство, дабы спасти крестьян от разорения, платит им экспортные субсидии в размере 65 франков за квинтал и поддерживает внутренние цены на уровне вдвое превышающем экспортные цены.

В то время, как обязательное государственное страхование от безработицы, настойчиво требуемое французскими социалистами, отвергается за отсутствием средств, государственный хлебный отдел Франции с 25 декабря 1934 г. до 5 марта 1935 г. израсходовал 250 млн. франков на «оздоровление» хлебного рынка, т. е. на экспортные субсидии и скупку хлебных излишков, исчисляемых в 22 млн. квинталов. Но ценой этой четверти миллиарда франков удалось извлечь лишь половину этих запасов и предстоят еще затраты. Эти примеры достаточно ярко иллюстрируют политику европейских стран, сводящуюся к государственному субсидированию дорогого производства и убыточного экспорта, при взаимном контингентировании ввоза и поддержке высоких, нормированных государством, внутренних

цен. Но при всех государственных затратах недовольство крестьян растет, в виду того явления, которое французы образно называют «проблемой непродажки». Вследствие этого во Франции возник и орудует фашистский «крестьянский фронт», руководители которого на митингах призывают крестьян к неплатежу налогов, как это делали в свое время национал-социалисты в Германии. Ссылкой на то, что Гитлер вознаградил помещиков и крестьян чрезвычайно высокими ценами за поддержку его диктатуры, и что советское правительство отбирает у крестьян хлеб за бесценок, оперируют не только французские фашисты. Но если республиканские традиции французского крестьянства являются некоторым противоядием фашизма, то в странах, лишенных демократических традиций, крестьяне оказываются весьма восприимчивыми для фашистской пропаганды максимальной автаркии и вздутых цен.

Тот факт, что даже Англия решительно стала на путь аграрного протекционизма, в свою очередь является знаменательным для той эволюции, которую проделала европейская аграрная политика за годы кризиса. Здесь государственное регулирование с.-х. вывоза и ввоза весьма развилось. Возникли законом предписанные специальные комиссии, регулирующие сбыт пшеницы, свиней, молока и картофеля. Далее государство регулирует ввоз с.-х. продуктов для поддержки внутренних цен.

Из вне-европейских хлебо-импортирующих стран, Япония, Египет и Южная Африка также расширили посевные площади и поощряют с.-х. производство. Меж-

ти я по единому госбюджету ассигновано 4,8 млрд. руб. Но структура советских госфинансов такова, что на эти же цели по местным бюджетам предполагается ассигновать 7,6 млрд. руб., по бюджетам социального страхования 3 млрд. руб. Содержание комиссариатов и центральных госуправлений обходится около 4 млрд. руб., из них на нужды Наркомвнудела 1,8 млрд. руб. По этому комиссариату проходят расходы и ГПУ. Но фактически бюджет ГПУ гораздо больший, так как все концентрационные лагеря и технические бюро ГПУ находятся на положении самоокупаемости, а некоторые, благодаря почти бесплатному труду, дают большие доходы.

На поддержку различных государственных финансовых ведомств ассигнуется 7,2 млрд. руб.: на увеличение кредитных ресурсов Госбанка, на расходы по займам, на расчеты с Госбанком и в разные резервные фонды.

Союзным Республикам и местным бюджетам передается в качестве дотации 8,9 млрд. руб.

Очень трудно определить в каких размерах повлияла инфляция на рост госбюджета. Советская власть упорно скрывает официальные данные о размерах денежной и банковской эмиссии. Народный комиссар финансов Гринько на сессии ЦИК'а утверждал, что количество денежных знаков, находящихся в обращении за последний год даже уменьшилось. Европейская финансовая печать сообщает, что денежная масса за последние два года в СССР утроилась. Не имея никаких обоснованных данных, невозможно определить размеры инфляции. Несомненно, однако, что покупательная способность червонца значительно упала, о чем свидетельствуют хотя бы резко различные цены в лавках Торгсина и кооперации. Но инфляция в настоящее время в СССР не имеет лихорадочного характера, в современной России граждане не бегут от денег, боясь их падения с сегодня на завтра. Хотя советская власть тщательно скрывает все то, что может хотя бы косвенно подтвердить наличие инфляции, однако, в только

что опубликованном госбюджете имеются два важных, хотя и косвенных доказательства роста инфляции. Советская власть решила переоценить все имеющиеся у нее запасы сырья и товаров и повысила их цену на громадную сумму в 2,3 млрд. руб. Почему? Ведь себестоимость производства по всем отчетам снижается. Единственное объяснение — необходимость поднять цены по инфляционным причинам. Второй факт свидетельствует о том же. Несколько миллиардов руб., передаваемые по расходному бюджету финансовым институтам по различным титулам явно говорят о том, что советская денежная система нуждается в финансовой поддержке и что борьба с падением червонца поставлена советской властью в порядок дня.

Сравнить тяжесть для населения современного госбюджета с бюджетами других стран или довоенным русским бюджетом при тех скудных данных, которые опубликовываются в СССР нет никакo возможности. По тем же причинам невозможно определить и то, как ложится налоговая тяжесть на отдельные слои населения. Средние же данные дают очень малое представление о действительном положении дел. Как рассчитать, напр., то обстоятельство, что в 1913 г. государственные налоги всех видов падали на душу в размере 11,5 руб., а в 1935 г. около 400 руб., если, во-первых, нельзя точно определить степень обесценения денег, и, во-вторых, если принять во внимание, что сейчас государственный бюджет охватывает почти в предельных размерах все хозяйственные функции и потребности населения. Немногим больше говорит по тем же причинам и то обстоятельство, что в довоенное время отдельный гражданин в среднем платил около 10% своего дохода госбюджету, а теперь около 97% его дохода в конечном счете проходит через бюджет.

Вопрос о том, что берет советское государство у населения и что оно ему дает — громадной важности. К сожалению, 100%-ный сталинизм лишил советских экономистов возможности и мужества выполнить подобного рода исследования и исчисления. Без

ду прочим, вследствие сильного падения мировых цен, в Китае увеличилось потребление хлеба за счет риса.

Что касается заокеанских экспортирующих стран, то здесь рост запасов и падение цен привели к весьма широкому государственному регулированию. В Соед. Штатах департамент сельского хозяйства, на основании обстоятельных обследований, выработал план регулирования производства и распределения основных с.-х. продуктов. Наряду с льготными кредитами и облегчением бремени ипотечных долгов, государство выдало фермерам крупные субсидии за сокращение площадей посевов пшеницы, хлопка, табака и за убой миллионов избыточных свиней. Другое мероприятие Рузвельта состоит в закупке с.-х. продуктов для бесплатной раздаче безработным, на что было израсходовано в 1933 г. 75 милл. долларов.

В Австралии комитет экономистов и представителей государства выработал в 1931 г. широкий план борьбы с кризисом и регулирования сельского хозяйства. В Аргентине проводится государственный «план регулирования народного хозяйства», направленный к всемерному облегчению положения с.-х. производителей.

В заокеанских странах рост хлебных запасов и падение цен привел к расширению скотоводства, к увеличению производства мяса и молочных продуктов, при возрастающем употреблении избыточного и дешевого хлеба взамен фуража. Индекс мирового производства мяса (исключая СССР) возрос с 103 за 1928-30 гг. до 106 за 1931-33 гг. при этом сильно увеличилось производство мяса в Австралии и Новой Зеландии. Рост

молочного производства за годы кризиса отражают следующие индексные цифры:

Среднее производство за 1925-29 гг. = 100.

	1929 г.	1933 г.
Дания	108	115
Англия	100	106
Канада	99	108
Австралия	104	122 (дан. за 1931 г.)
Новая Зеландия	112	132 (дан. за 1932 г.)

Как видно из этих данных, больше всего возросло молочное производство в Австралии и Новой Зеландии, но и в Дании, Канаде и в Англии оно заметно увеличилось. Благодаря увеличению производства мясных и молочных продуктов и вызванным этим падением цен, возросло потребление, как в заокеанских странах, так и в скандинавских странах и в Англии. Относительно Англии имеются статистические данные, свидетельствующие о том, что потребление высококачественных продуктов питания возросло за годы кризиса. Потребление масла на голову английского населения колебалось за годы 1925-1929 между 13 и 15 фунтов. Оно возросло до 16-18 фунтов за 1930-31 гг. В то же время потребление маргарина на голову населения упало с 3,44 фунта в 1925 г. до 2,3 фунта в 1929 г. и 1,68 фунт. в 1931 г. Объясняется это тем, что Англия, согласно договору, заключенному в Оттаве с доминионами, допускает определенный ввоз их дешевых продуктов. Детальное бюджетное обследование в Англии

фактического же материала этот вопрос осветить совершенно невозможно.

Можно только констатировать следующие несомненные выводы: Советское государство распоряжается почти всем народным доходом, т. е. почти всем доходом каждого гражданина, каждого рабочего, каждого крестьянина. На нужды хозяйственные уходит свыше 55% дохода, при этом свыше 33% употребляется на цели, не дающие длительное время эффекта. Очень дорого обходится государственный аппарат управления — около 6%. Большие суммы отымает оборона страны — около 11%. Это все явления очень тяжело отражающиеся на населении. Положительным явлением следует признать то, что в текущем году по единому и местному бюджетам на нужды образования, здравоохранения и др. социальные цели ассигновано 18 млрд. руб., возрастание за год почти в полтора раза.

В заключение мы должны отметить, что, несмотря на

торжественное провозглашение перехода к советскому демократизму, одно из важнейших условий и выявлений всякого демократизма — гласное опубликование всех бюджетных материалов*) и публичная критика бюджетного проекта не имели места и в текущем году. Бюджет обсуждали на закрытых заседаниях члены ЦИК'а, и о всех прениях, которые были вокруг бюджета, было сообщено в советской печати в размере нескольких десятков бессодержательных строчек. Бюджет, как и в прошлые годы, остался для населения «засекреченным» документом.

А. Югов.

*) Какой возможен народный контроль, если весь проект опубликован по след. принципу: «Налог с оборота — Комзаг СНК СССР (по реализации муки, крупы, зернофуража и др. с.-х. продуктов) — 24 млрд. руб.», или ассигновано на «промышленность НКТяжпрома — 11,758 млн. руб.». И только!

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

«БДИ!»

Козьма Прутков дождался таки своего часа. Крайнее, но внушительное правило политической мудрости, преподанное им семь десятилетий тому назад, воспринято наконец к руководству правительством шестой части земного шара. Его мысль стала темой бесчисленных статей, фельетонов и передовиц советской печати, своим многословием, по правде сказать, лишь ослабляющих ударную силу классического по своей односложности прутковского лозунга, совершенно неосновательно к тому же приписываемого гениальному Сталину. «Всегда и везде помни о бдительности», возглашает «Правда» (25 марта), и тысячи, если не десятки тысяч согладатаев уже неустанно «бдят» и затопляют столбы газет доносами об открываемых ими зиновьевско-троцкистских, меньшевистских и прочих ересь и уклонах и о «большевистских простофилях», повинных в «гнилом либерализме, несвойственной советскому человеку симпатии к бывшим людям, лени и слюнявстве» (там-же).

Но, наряду с этой псовой охотой на остатки или возможные зародыши политической крамолы, начинается, под шумок разглагольствований о бдительности, и «кампания» несколько иного порядка. 20 марта было опубликовано сообщение Народного Комиссариата Внутренних дел о том, что в Ленинграде «арестована и высылается в восточные области СССР за нарушение правил проживания и закона о паспортной системе» целая «группа граждан». Сообщение указывает, что «среди них» имеется 1074 человека из «бывших» князей, графов, баронов, сановников, фабрикантов и т. д. Вся-ли высылаемая группа состоит из таких «бывших» людей? Или скромное добавление «и др.» намекает еще на другие, не перечисленные категории ссылаемых? Но, как бы то ни было, самое пребывание в разряде «бывших» на 18-м году революции указывает на такой возраст подвергнутых каре, при котором несомненна наличность у громадного большинства их семьи. Следовательно, во всяком случае не одной, а несколькими тысячами исчисляются жертвы этой гнусной расправы.

Мы называем расправу гнусной, ибо ничем кроме со-

установило, «что в 1932 г., во время острейшего кризиса, питание в среднем было лучше, чем в 1925 г.»

В Бельгии, где протекционизм сравнительно меньше всего дает себя чувствовать, аграрные цены упали и потребление возросло. Но в большинстве европейских стран политика экономического национализма воспрепятствовала повышению реальной заработной платы в связи с падением мировых аграрных цен. Нужно сказать, что европейский аграрный протекционизм был отчасти обусловлен усилившимся промышленным протекционизмом заокеанских аграрных стран. И поскольку последние стремятся увеличить сбыт своих с.-х. продуктов, они должны расширить ввоз европейских промышленных изделий. Иначе, по заявлению американского министра земледелия Уолса, одни только Соед. Штаты могут оказаться вынужденными оставить без обработки 20 млн. гектаров. Таким образом, политика автаркии приводит в тупик перепроизводства и безработицы и начинает ощущаться необходимость международного экономического регулирования. Эта тенденция в сторону международного регулирования производства и сбыта продовольственных продуктов и сырья уже наметилась на Лондонской конференции. Вопрос сводится к тому, осуществится ли это регулирование в конце концов лишь в интересах производителей и по-

средством удорожания жизни рабочих или международный пролетариат осознает, что речь идет о его жизненных интересах, которые он может защищать только самой энергичной борьбой и лишь общими усилиями. Любопытно отметить, что, по мнению директора Международного Бюро Труда, в функции последнего входит и активное участие в намечающихся попытках международного планового регулирования производства и сбыта в целях поднятия уровня жизни рабочих масс. Но экономическим национализмом, вследствие безработицы, прониклись кое-где и рабочие массы, из кризиса рабочий класс выходит организационно ослабленным и дезориентированным. В частности, он пока не нашел контакта с бунтующими крестьянскими массами, которые сорганизовались за годы кризиса и увеличили во всех странах свое политическое влияние и к требованиям которых все правительства чутко прислушиваются. И это экономически и политически сплоченное крестьянство к лозунгу диктатуры пролетариата, олицетворяемой Сталиным и его экспроприацией крестьян, менее восприимчиво, чем когда бы то ни было. Зато оно, увы, часто оказывается восприимчивым к лозунгу фашистской диктатуры.

Ю. Грин.

стояния в «бывших» ее и не пытаются мотивировать. Правда, сообщение глухо упоминает о том, что «часть высланных привлечена к ответственности органами надзора за деятельностью против советского государства» в пользу иностранных государств». Но, не говоря уже о том, что остается совершенно неизвестным, как велика эта «часть», трудно понять, почему же это люди, привлеченные к ответственности за преступления, грозящие, по советскому кодексу, применением «высшей меры социальной защиты», высылаются, а не предаются суду. И во всяком случае остается несомненным, что огромное большинство ссылаемых страдает лишь за свое «социальное происхождение», делающее их «подозрительными» в глазах «бдящей» власти. Даже если бы Ленинград уже находился под обстрелом вражеских пушек, такое массовое «очищение» его от «подозрительных» было бы столь же неоправдываемым, как неоправдываемым было предпринятое царским правительством массовое очищение прифронтовой полосы от «подозрительного» еврейского населения. Но в этом случае оно могло бы быть, по крайней мере, объяснено бурбонско-полицейским пониманием «условий военного времени». Теперь для этой расправы приходится искать другого объяснения, и объяснение это напрашивается само собою. Цитированная уже нами передовица «Правды» не оставляет на этот счет ни малейшего сомнения.

Наркомвнудел, т. е. то же еле замаскированное ГПУ, пользуется кампанией бдительности, чтобы восстановить и закрепить свое всевластие, свое право на массовые расправы и гекатомбы. В свою очередь, организаторы этой кампании пользуются застеночным кнутабойством ГПУ, чтобы свалить в одну кучу «бывших князей, графов и жандармов» с «смердящими подонками зинovieвцев и троцкистов», а всех их вместе с «политическим и уголовным жульем». Тысячи «бывших» людей, давно уже, конечно, размещившихся в клетках советского административного и хозяйственного аппарата, снимаются с насиженных мест, подвергаются разорению, ссылке, уничтожению, только для того, чтобы Сталину легче было справиться с супостатами в собственной партии и, смешав их с «отребьем царского режима», заставить десяток-другой одураченных рабочих орать, вместе с ним и Прутковым: «бди!»

ИНЖЕНЕРЫ НА ЦЕПИ.

Советские газеты печатают длинные списки деятелей тяжелой промышленности, награждаемых «в воздаяние заслуг», как говорилось в старину, орденами и почетными грамотами.

23 марта был опубликован первый список таких наград — по золотой промышленности. Примечательность этого списка, однако, не в том заключается, что он — «первый среди равных», а в том, что, наряду с орденами и грамотами, он включает в себя и награды совсем другого рода. «Снять судимость и восстановить в правах», «досрочно освободить» — вот чем компенсируется «усердие» целого ряда деятелей золотопромышленности, начиная от скромных «бригадира шурфовщика» и «младшего горного смотрителя» и кончая главными инженерами и начальниками строительства!

Много писалось и спорилось по вопросу о том, существует ли в Советском Союзе принудительный, подневольный труд — помимо тех грандиозных коммерческих предприятий (лесозаготовки, рыбные промыслы Беломорский и другие каналы), которые приносят, конечно, «интересную прибыль», но которые человеколюбцы из ГПУ заводят единственно в целях нравственного возрождения и перевоспитания порочных и социально-опасных элементов. И вот, из списка наград по золотопромышленности мы узнаем, что самые ответ-

ственные задания по «перевыполнению производственных программ и освоению новых районов» производятся руками людей, над которыми висит меч «судимости» и бесправия, более того — которые изо дня в день из мест заключения препровождаются на работу с тем, чтобы вечером вернуться в узилы! Десятки этих людей «награждены» снятием судимости и досрочным освобождением. Сколько сотен продолжает еще свою работу под кнутом надсмотрщика?

Незачем тратить слов для характеристики тех возмутительных материальных и, особенно, моральных условий, в которые поставлены все эти люди, вынужденные выматывать из себя все силы и «перевыполнять» все планы, чтобы сколько-нибудь ослабить сковывающие их цепи. Но какими незаменимыми «погонялами» для отдаваемых под их команду рабочих должны быть все эти «единоначальники на цепи», сами подгоняемые бичем прокуроров и тюремщиков и вынужденные усердием заслуживать себе снятие судимости и досрочное освобождение! И какова должна быть доля тех — не инженеров, не начальников, а рядовых рабочих, которые тоже несут на себе оковы лишения прав и тюремного заключения?

В более поздних списках наград — по другим отраслям тяжелой промышленности — ни снятия судимости, ни досрочного освобождения уже нет. Почему? Потому-ли, что в других отраслях нет подневольного труда, или же потому, что, неосторожно приподняв краешек завесы, советское правительство спохватилось и решило впредь втайне распределять эти постыдные «награды», которые несут облегчение его жертвам, но являются позорным пятном для него самого?

ПРОПАВШИЙ ТОСТ.

Политика не знает абсолютов. В политике все относительно, и всякая политическая «линия» может проводиться на практике лишь в формах, учитывающих неодолимые объективные условия. Поэтому всякая политика имеет свои «за» и свои «против», всякая может быть защищаема с известной точки зрения. Но от всякой политики можно и должно требовать, прежде всего, чтобы она сама была убеждена в своей правоте, сама верила в себя и сама готова была защищать себя перед всем миром. Когда же политика начинает сама себя стыдиться, когда она старается утаить свои деяния, как секретную болезнь, от взоров непосвященных и пытается размалеванной маской скрыть свое подлинное лицо, тогда она превращается в политиканство и постыдное двурушничество.

С этой, и только с этой точки зрения представляется поучительной история с пропажей тоста, произнесенного Литвиновым на парадном обеде, им же данном в честь английского министра Идена. Все иностранные телеграфные агентства сообщили, что Литвинов «поднял бокал» не только за процветание английского народа, но и за здоровье английского короля. Ответная речь Идена специально отмечает его особую благодарность за «характер тоста, произнесенного нашим хозяином» (см. «Пр.» и «Изв.» от 29 марта). Но тщетно было бы искать самого этого тоста на столбах советских газет, как тщетно было бы искать его на страницах коммунистических газет всего мира.

Повторяем, самый тост нас несколько не интересует. Человеческое общение вообще неизбежно происходит в известных условных формах, а тем более — общение политическое, да еще международно-политическое. Советские послы и сановники не раз уже «пили» за здоровье всевозможных «акул капитализма и империализма» и обменивались сердечными излияниями с самыми махровыми представителями мирового фашизма. С не-

привычки они зачастую даже перебарщивали по части международной любезности, и нельзя забыть, что немедленно после убийства Маттеоти советский посол в Риме считал нужным чествовать убийцу завтраком, между тем как «королевский министр» Вандервельде отказался подать этому убийце руку. Но, в конце концов, приятие всех условностей международного общения свидетельствует лишь о том, что Советский Союз вошел в это общение и по необходимости подчинился его обычаям. В число этих обычаев входят и тосты за глав дружественных государств, и являются ли эти главы президентами, как Михаил Иванович Калинин, или королями, как английский Георг V, это, право, не так уже важно.

Но важно и интересно то, что ни русские народные массы, ни коммунистические рабочие других стран не должны знать, что и непреклонные воители большевистской диктатуры точь-в-точь, как самые вульгарные «социал-предатели», и даже с значительно большим усердием, подчиняются всем условностям политического общения. «Народу должна быть сохранена религия», ему должна быть сохранена вера в то, что «лордам по мордам» остается правилом политического поведения непреклонных революционеров Кремля, и что они имеют законнейшее право клеймить «лакеями буржуазии» и «королевскими прихвостнями» всех, кого они сами в практике политической и международной «вежливости» давно уже «догнали и перегнали».

И. Греков.

На задворках диктатуры

(Евсекция в политике и литературе).

КТО ОНИ?

Признаться, довольно трудно ответить на вопрос, кто они в лицах, — эти комиссары, осуществляющие диктатуру в области еврейской нацменовской политики. С тех пор, как ликвидирована евсекция при ЦК компартии, прямо неизвестно, кто ее наследники, кто комиссарствует сейчас над остатками еврейской общественности, культуры, литературы.

В эпоху военного коммунизма действовал еврейский комиссариат, возглавлявшийся неизвестным, но зато «старым большевиком» Димманштейном. Вся функция этого комиссара сводилась к содействию чеке в борьбе с социализмом, демократией и сионизмом. Молодые люди из числа максималистов и сионистов, примазавшиеся на первых порах к комиссариату, по своей абсолютной отчужденности от еврейской жизни и безграничному невежеству, только и могли проводить политику всеобщего разгрома.

Картина, как известно, сильно изменилась, когда в 1920-21 гг. закончился процесс распада еврейских социалистических партий. В компартию вошло немало видных представителей Бунда и «об'единенных». Может быть, не случайно совпал переход многих из них к коммунизму с объявлением нэпа, когда усилились иллюзии о возможности мирной эволюции диктатуры и приспособления ее к нуждам еврейских, в большинстве своем мелкобуржуазных масс.

Что бы ни думать об этих людях, нельзя отрицать, что они внесли в ЦБ евсекций кое-какие идеи и планы и даже пафос еврейской национальной работы. Это особенно сказалось в тот период, когда возник план устройства на земле 100 тыс. еврейских семей, деклассированных в результате всей предыдущей политики соввласти. Как раз ориентация на нэп и «националистический уклон», в котором не без оснований обвиняли бывших

бундовцев Мережина и Чемеринского, бывшего сиониста Брагина и даже очень далекого от еврейской общности Ларина, — этот «уклон», нашедший свое выражение в идее создания еврейской республики в Сов. России, — послужил для Сталина поводом ликвидировать евсекцию «за ненадобностью».

Евсеки, вчера еще всеильные диктаторы, оказались в стороне от всякой общественной работы, в почтительной дистанции от всяких влиятельных партийных учреждений. Рафес, после кратких коминтерновских экскурсий, пошел в Совкино, Вайнштейн-Рахмиэль — в чиновники Наркомфина. Фрумкуну-Эстер исключили было из партии, и потребовалось вмешательство Политбюро для ее реабилитации. А Чемеринский, будто бы оказавшийся... провокатором, угодил в долголетнюю тюрьму. Из всех деятелей евсекции первого призыва уцелел, собственно, один Литваков, редактор «Эмеса», — превосходно владеющий искусством выходить сухим из воды. Он сейчас еще еврейский националист, почти шовинист, — но завтра он готов, — вслед за Рафесом, — если понадобится, проповедывать интернационализацию и ассимиляцию.

История совершила свой кругооборот, и бразды диктатуры вернулись к рукам старого знакомого, неизвестного, но «старого большевика» Димманштейна. Бывший анархист, «историк» Агурский в качестве подручного состоит при еврейском комиссаре, чтобы идеологически выправлять Литвакова, — и вся эта троица монополюно ведает еврейской работой. Правда, от всех грандиозных социально-экономических проектов остались только гиблый план заселения заштатной Биро-биджанской республики на Амуре. Зато по-прежнему идут чистки и разгромы самых робких начинаний в еврейских секторах при академиях Украины и Белоруссии, — самых слабых проявлений оппозиции, — даже в коммунистической среде. Бичи и скорпионы сыплются на уклонистов и укрывателей. Густой смрад идет от атмосферы взаимного доноительства и подсиживания!

К февралю 1935 г., судя по еврейской компрессе, докатилась на места до евсеков волна очередных репрессий в связи с убийством Кирова. Немало евсеков на Украине и Белоруссии оказалось повинно не только в «идеализации Бунда» и в других уклонах и загибах, но и в прямом или косвенном соучастии в «зиновьевско-троцкистской контрреволюции». На этой почве разыгрался ряд драматических эпизодов, на которых мы несколько задержим внимание читателя. Возможно, что с первого взгляда эти происшествия покажутся малозначительными. Но дело в том, что политика, тщательно изгнанная из всех областей еврейской жизни, пробилась на свет божий сквозь узкие ворота литературы. Мы оказываемся в мире беллетристов, поэтов, критиков, — как агентов новой разновидности «контр-революции». Уж подлинно, — гони природу в дверь, она вылетит из чернильницы.

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В МИНСКЕ.

В постановлении минского горкома КПБ, посвященном делу Дунца, («Эмес» от 23 февр.) мы находим перечисление множества имен, из которых одни подвергнуты суровым карам, другие — умеренному заушению, а третьи — только названы (названы не без умысла: трепещите, языци!). Наряду с главным персонажем Дунцом в галлерею преступников проходят беллетрист Абчук, поэт Харик, критик Бронштейн, публицист Юдельсон, и ряд работников Наркомпроса и Госиздата. И все эти коммунисты, в разной степени причастные к еврейской литературе, оказались соучастниками «зиновьевско-троцкистской контр-революции».

Сам Дунец — долголетний редактор ежедневной еврейской газеты в Минске «Октябрь» и журнала

«Штерн», литературный критик, автор недавно вышедшей книги «На литературные темы». Еще недавно влиятельный человек на идеологическом фронте (во время процесс «14 меньшевиков» он, между прочим, специализировался на борьбе с «идеализацией меньшевизма и бундизма»), теперь Дунец снят со всех постов и исключен из партии. Еще не так давно вкупе с другими молодцами из «Октября» обвинявший редактора «Эмеса» Литвакова в поддержке националистических и мистических тенденций в еврейской литературе и театре и весело печатавший в своей газете: «маска сорвана уже с литваковщины!», — теперь Дунец человек конченный, а переживший его Литваков торжествует в «Эмесе», верный восточной премудрости, по которой лучше быть живой собакой, чем... мертвой.

Пестрая ткань обвинения минских контр-революционеров содержит довольно странные вещи. В 1933 г. Дунец издал под своей редакцией книгу Юдельсона «Границы», — как теперь выясняется книгу антисоветскую, троцкистскую, контр-революционную. В качестве критика Дунец усердно защищал «троцкистско-зиновьевскую, шовинистическую, реакционную книгу Абчука», повесть «Гершл Шамай», — кстати сказать, вышедшую еще в 1929 году. Редактируя уже после убийства Кирова стенгазету Наркомпроса, Дунец умышленно смягчал острые формулировки, бичующие «зиновьевско-троцкистских негодяев». Пользуясь влиянием среди писателей, Дунец насаждал среди них фракционность, склоничество, амикошонство и пр. Если к этому прибавить метрическую справку, из которой явствует, что Дунец буржуазного происхождения, а с 1913 по 1920 г. состоял в партии сионистов-социалистов, — то мы получим все пункты обвинения, повлекшие за собой исключение Дунца из партии, выговор с предупреждением Харику и Бронштейну и более деликатные формы воздействия другим евреям.

Если за издание и поддержку книг Абчука и Юдельсона так сильно пострадал Дунец, — то хотелось бы знать что-нибудь об этих писателях. О Юдельсоне мы ничего не нашли в печати. Но повесть Абчука имеет свою судьбу.

ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ.

Неудачный выбор родителей или идеологическая невыдержанность, приведшая в плен к новой разновидности контр-революции, достаточны для исключения из партии. Но положительная оценка литературным критиком беллетристического произведения Абчука, — в какой мере она объясняет круглую расправу с Дунецом? Если признать его вину по этой статье, то приходится разыскать и притянуть к ответу других соучастников, — и в первую голову Литвакова. Ибо сам Литваков в «Эмесе» (не упоминая ни словом о Дунце) авторитетно констатирует, что пропаганда в пользу Абчука — «наша общая ошибка, — моя ошибка, ошибка Бронштейна, ошибка Фефера». Остается поэтому только руками развести, почему это за одну и ту же «ошибку» один получает бичи и скарпионы, а другой — чины и ордена. Впрочем, может быть, бывший редактор «Октября» оказался нераскаянным грешником, между тем как нынешний редактор «Эмеса» написал статью со специальной целью публично посечься. Теперь он сообразил, что в течение шести лет расхваливал сплошную контр-революцию. Теперь он понял, что книга Абчука полна той «мелко-буржуазной клеветы на советскую власть и партию, которую так широко использовали в своей борьбе контр-революционные оппозиции, в особенности троцкистско-зиновьевская». Нелишний штрих к иллюстрации советских литературных нравов.

Для того, чтобы читатель получил правильное представление об авторе повести «Гершл Шамай», пользо-

вавшейся большой популярностью в России, мы приведем маленькую справку из т. I только что вышедшей «Всеобщей еврейской энциклопедии» (Париж, 1935; редакция Р. Абрамовича, Бен-Адира и др.). Абрам Абчук «примыкает к шолом-алеихемовской традиции в еврейской литературе»... В герое повести «Гершл Шамай» — «сквозь преданность делу советского строительства звучит ироническое отношение к новым людям и к новым положениям, складывающимся в советском мире». Вот в этих особенностях литературной физиономии Абчука и заключается причина, по которой надо спешно менять свои критические оценки. В 1929 г. в художественной литературе еще допускалась в скромной дозе ирония, и советские критики это одобряли. Но теперь наступили времена суровые. Независимых художников слова просят не беспокоиться. Они не ко двору в разгар генлинии. Чуткий Литваков спешит соответствовать видам начальства. Ту самую книгу Абчука, которую он еще недавно (в 1934 г.) расхваливал, он объявляет сейчас исчадием ада.

Случай с известным писателем Бергельсоном, недавно принятым в лоно коммунистической церкви, не лишен некоторой пикантности в этом отношении. Он позволил себе напечатать статью-интервью в «Литературной Газете», где неосторожно отозвался об еврейской советской литературе и о критиках-марксистах. Теперь Бергельсону приходится расхлебывать кашу. На собрании 11 февраля еврейской литературной братии в Москве, — созванном совсем по другому поводу (читалась какая-то поэма), всеки, задетые за живое, единым фронтом рассчитались с злополучным Бергельсоном. Что в самом деле означает в устах Бергельсона недооценка достижений советской еврейской литературы? Он признает только поэтов Маркиша и Гофштейна, но ведь они сложились уже в 1920 году, — следовательно, по Бергельсону, за истекшие 15 лет в советской литературе нет никакого развития? Не менее ошибочно и вредно его отношение к критике. Достаточно установить хотя бы тот факт, что этой самой марксистской критике «удалось вырвать такого писателя, как Бергельсон из чужих лап». Нет, Бергельсон своей статьей сеет склоку, ему нужно покаяться и напечатать опровержение. «Если уж подражать Горькому и писать, так сказать, директивные статьи, — то надо знать, как и что», — сказал неприменный Литваков.

Прижато к стене Бергельсону пришлось подавить в себе остатки собственного достоинства и в качестве благовоспитанного коммуниста признать правильными указания оппонентов, а статью свою ошибочной. Он отыгрался только на критиках, заявив, что из всех них лишь один Литваков возымел на него влияние. Он мог сделать это заявление с тем большим мужеством, что знал, что в настоящий момент существенно заручиться только поддержкой Литвакова.

УКЛОНИСТЫ И УКРЫВАТЕЛИ.

Не в пример минскому редактору редактора еврейской газеты «Одесский Рабочий» Алика пощадили. Бюро райкома признало, что, он заслуживает исключения из партии, но в виду данных им заверений и чистосердечного раскаяния, Алика только сняли с редакторского поста, объявили ему строгий выговор с предупреждением и направили на низовую работу. В чем же заключается преступление Алика? В «Одесском Рабочем», а также в украинском журнале «Жовтень», выходящем также под его редакцией, Алик напечатал статью «Одесса прежде, Одесса теперь», — в которой дана «ужасающая троцкистско-националистическая оценка» социалистического строительства в Одессе. Но этим не исчерпывается его контр-революционная роль. В то время, как в Одессе были обнаружены зловерные троц-

ксты Марианский, Клингерман и др., «Одесский Рабочий» не проронил об этом ни слова, умышленно покрывая уклонистов и вредителей. А в журнале «Жовтень» Алик напечатал рассказ «петлюровица» Лесгама «Дружба», представляющий собой «контр-революционный пасквиль на советскую действительность» и кроме того «прямо укрывал» националиста Веритэ. Вот список преступлений одесского редактора...

Судя по обстоятельному доносу («Эмес» от 24 февр.) на бердичевскую газету евсехов «Рабочий», скоро и там пойдут по стопам Минска и Одессы и устроят экзекуцию тамошней редакции, упорно укрывающей уклонистов. За все время, протекшее с убийства Кирова, эта редакция «не интересуется борьбой с зиновьевско-троцкистской контр-революцией». Между тем и в Бердичеве на этот счет весьма неблагоприятно. Там обнаружено «влиятельное классовых врагов на еврейских школьниках» и замечен факт «троцкистской вылазки директора сахарного завода на совещании комсомольского актива». Если к этим ужасам прибавить, что доносчик из «Эмеса» скрупулезно подсчитал, сколько ошибок и опечаток допущено в статьях, переведенных бердичевским «Рабочим» из московской «Правды», станет ясно, что расправа с укрывателями и уклонистами будет крутая. Поживем — увидим.

Григорий Аронсон.

Ссылка за „единый фронт“

Т. т. Ежов и Захарова, об аресте которых, в числе прочих меньшевиков, мы в прошлом номере сообщали, отправлены в новую ссылку. После 14-летнего непрерывного скитания по тюрьмам, местам ссылки и принудительного поселения, последним этапом которого была Казань, старые, заслуженные деятели российского рабочего движения и российской социалдемократии снова очутились в Сибирском селе, за 150 верст от железной дороги, — в селе Камень Томской губернии.

ПАРТИЙНАЯ ТРИБУНА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОДЕМ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ.

Вопрос о том, победила ли или не победила коллективизация, еще до сих пор многим кажется спорным. Еще в 1934 г. мы встречались с утверждениями, что советская власть вынуждается к радикальному изменению своего отношения к коллективизации, что она передвигает центр тяжести своей политики в деревне с колхозников на единоличников.

Фактическое развитие идет между тем в совершенно ином направлении. В 1934 году коллективизация вновь продвинулась вперед. Число колхозов увеличилось до 240 тыс. Процент коллективизированных хозяйств возрос с 65% до 74%, а их посевная площадь — с 73% до 85% всей посевной площади. Выступления на съезде советов и на колхозном съезде, так же, как принятые съездами решения, показывают твердую решимость советской власти довести до конца коллективизацию деревни.

Вообще при наметке перспектив развития в Советской России нельзя забывать, что совершившаяся и продолжающаяся совершаться реконструкция советского хозяйства и всего общественного строя создает уже свои собственные законы и свою внутреннюю логику. Новые формы, хотя и под влиянием определенной политики власти возникшие, не могут теперь произвольно изменяться властью под угрозой новых катаклизмов. В 1930-31 году советская власть могла еще выбирать между мелкобуржуазным или колхозным путем развития деревни*). Сейчас нет и не может быть иного пути развития советской деревни, кроме колхозного.

*) Конечно, выбор того или иного пути предопределял тем самым общие тенденции развития страны.

Трудно объяснить и истолковать эту новую административную расправу иначе, как мстью за знаменитую «казанскую телеграмму», которою т. т. Ежов и Захарова приветствовали заключение пакта единства действий во Франции. Эту телеграмму, после того как ее опубликовал «Попюлэр», вынуждена была напечатать и коммунистическая «Юманитэ», редакции которой она также была адресована. Тем самым этот демонстративный жест меньшевиков, столь часто изобличаемых коммунистическим органом, как «контр-революционеры» и «лакеи буржуазии», был доведен и до сведения коммунистически настроенных рабочих Франции. «Юманитэ» пыталась смягчить впечатление, произведенное этим жестом на коммунистическую аудиторию, изображая авторов «казанской телеграммы» белыми воронами в меньшевизме, отрекающимися и от него, и от всего Социалистического Интернационала. Но эта неудачная попытка вовлекла лишь коммунистическую газету в длительную полемику с «Попюлэр», в которой она лавров не пожалала и которая лишь содействовала выяснению истинного смысла и популяризации мужественного акта казанских меньшевиков.

При таких условиях немедленно расправиться с «казанцами», инициатива которых вызвала постановку в порядок дня и обсуждение столь «неудобных» для большевистской диктатуры вопросов, ГПУ не решилось. Оно отложило расправу до тех пор, пока шум, вызванный «казанской телеграммой», уляжется. Теперь оно, по видимому, считает, что время для мести наступило. Быть может, однако, оно еще раз ошибется, и как раз учиненная над т. т. Ежовым и Захаровой возмутительная расправа послужит стимулом для того, чтобы вновь привлечь внимание иностранных рабочих к двуручнической политике этих страных «борцов за рабочее единство», которое во всех странах проповедуют соглашения и договоры с социалдемократами, но в своей собственной стране не находят для социалдемократов другого места, как в тюрьме и ссылке. Мы, с своей стороны, приложим все усилия, чтобы это так именно и было.

При оценке результатов коллективизации ошибочно останавливаться на тех или иных отдельных показателях, нужно охватить всю совокупность экономических и социальных факторов, проявляющих свое действие в современной деревне, и определить их динамику.

Решающим для судеб коллективизации является то, что она развертывается на базе все растущей индустриализации сельского хозяйства. Десятки и сотни тысяч тракторов и различных усовершенствованных машин подучает за последние годы деревня от города. В 1934 г. 37% основных сельскохозяйственных работ было механизировано, по плану на 1935 год этот процент поднимется до 50. В колхозах в 1934 г. уже больше половины всей посевной площади было обработано тракторами. Как бы ни была еще далека от совершенства нынешняя работа тракторов и машин, все же понятно, что обработка полей сейчас неизмеримо лучше той, которая производилась старыми примитивными орудиями.

Колхозная механизация и механизация способствуют ускорению производственных процессов, большей экономии в расходовании рабочей силы, — что является чрезвычайно важным в настоящее время при переходе ко все более интенсивным формам ведения сельского хозяйства. В 1934 г. ряд работ проведен был значительно быстрее, чем в прошлые годы, также благодаря наличию машин колхозам удалось сравнительно благополучно справиться с отрицательным влиянием неблагоприятных климатических условий.

Но машина особенно сильна тем, что она является фактором, организующим труд: ее технический эффект связан с экономико-психологическим. Нельзя достаточно надивиться тому поразительному результату, как в короткий срок внес-

на система и спайка в ранее аморфную крестьянскую массу. Прежний индивидуалист крестьянин становится в колхозе винтиком сложного механизма, от влияния которого он уже не может — а с определенного момента и не хочет — освободиться. Растет и крепнет трудовая дисциплина. Еще в 1933 году бригадир должен был ходить утром по дворам, собирая членов своей бригады. В 1934 г. колхозник в большинстве случаев приходит регулярно на работу. Колхозник перестал быть сам себе хозяином, а чувствует свою зависимость от коллектива. Это, как пишут с мест, выражается в том, что раньше колхозник заявлял бригадирю: «Завтра я не выйду на работу», теперь же все чаще он спрашивает: «Можно мне завтра не выйти на работу?» Крепнет все больше бригадная форма организации труда, и особенно форма постоянной бригады.

Вместе с тем значительно улучшается и качество работ. Приемка выполненных работ специальными комиссиями, надзор инспекции по качеству, оплата труда по нормам выработки и качественным показателям — все эти мероприятия постепенно воспитывают более тщательное отношение к труду. Отчетливо проявляется то положительное влияние кооперативной системы работы, которая, как на это указывал Маркс в главе о «Кооперации» в I-ом томе «Капитала», «вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц». Хотя соревнование внесено было в колхозы сверху, тем не менее оно широко привилось и способствует повышению количественных и качественных показателей колхозного труда.

Социально-экономический переворот, совершенный коллективизацией, проявился с особой яркостью в колоссальном культурном подъеме деревни. Советская власть во все годы своего существования всемерно стремилась преодолеть вековую отсталость русской деревни. Тем не менее мы видим, что только с укреплением коллективизации деревня становится по настоящему культурной. Приходящие на поля машины властно требуют культурных работников, все большего количества обученных квалифицированных кадров. И хотя этих кадров недостаточно и качественно они не всегда на высоте, — все же они растут с огромной быстротой. Сотни тысяч колхозников проходят различные школы и технические курсы. На 1935 г. по плану предполагается подготовить массовые кадры для совхозов и МТС через стационарные школы и курсы в количестве 546 тыс., и сверх того для колхозов через районные колхозные школы 518 тысяч человек.

Изменение социальных условий и повышение общей культуры открыло дорогу росту агротехники. О какой агротехнике мог думать раньше крестьянин, выбивавшийся из последних сил над своим крохотным клочком земли! Тут было не до жиру! В колхозной деревне высокая агротехника завоевывает все более прочные позиции. Крестьянин воочию видит благотворное влияние различных агротехнических мероприятий и становится активным проводником их. Около десяти лет назад в стране было несколько десятков хат-лабораторий, сейчас их насчитываются десятки тысяч. Как бы ни было примитивно часто их устройство, показательна эта тяга широких масс к экспериментированию, к поискам новых путей в производственных процессах. Академик Вавилов в одной из своих статей указывает на тот коренной перелом, который произошел в области сельскохозяйственной науки. Раньше достижения науки находили весьма слабое применение на практике, теперь наука не в состоянии поспеть за теми требованиями, которые жизнь к ней настойчиво предъявляет. Сейчас огромная творческая энергия развивается для переделки флоры и фауны Советской России, и это не имеет ничего общего с постройкой «фараоновых пирамид» или с «оранжерейными» опытами, а приводит практически к улучшению природных условий страны в интересах широких масс.

Культурное строительство охватывает весь быт. Полевые станы, бани, парикмахерские, общественное питание, ясли, детские площадки, радио, газеты, телефон — все это становится все более необходимой принадлежностью колхозной деревни. Новая социальная база колхозов, освободившая крестьянина от необходимости откладывать каждую копейку, чтобы иметь возможность купить плуг или лошадь, изменяет его подход к культурным начинаниям. Колхозник стал требователен в области культуры. Он хочет, чтобы в колхозе организованы были школы более высокого типа, чтобы улучше-

но было медицинское обслуживание, чтобы технические курсы приближены были бы к селу и т. д. Следя год за годом за жизнью колхозной деревни, чрезвычайно интересно наблюдать, как тот или иной вид культурного строительства находит в ней все большее распространение. Новый крестьянин смотрит на жизнь совершенно иными глазами, чем раньше. Когда Крупская на колхозном съезде интересовалась тем, посылают ли колхозницы девочек в школу, этот вопрос показался делегаткам диким: «Какая же мать не пускает теперь свою дочку в школу!» Действительно, жажда просвещения теперь в деревне совершенно необычайная. Вот, напр., данные по району Токаревской МТС Воронежской области. До революции это был район чрезвычайно отсталый. Именно здесь в 1891 году во время холерных бунтов были частью разгромлены амбулаторные пункты — в селе Абакумовке. До революции неграмотность достигала 70%. Теперь не только начальная школа охватывает 100% детей, но огромная часть детей проходит уже семилетку. С 1930-31 по 1934-35 г. число учащихся в семилетке возросло с 381 до 3.439. В семилетку идут не только дети, но и взрослые. Летом 1934 г. семилетку окончила 35-летняя женщина, мать двух детей. Половина из окончивших в 1934 г. Кочетовскую неполную среднюю школу выдержала испытания в техникумы ближних городов. Из 30 человек, окончивших Абакумовскую НСШ, 20 человек поступило в техникумы и рабфаки. Родается собственная колхозная интеллигенция. В одном только селе Гладышево имеется 6 человек, окончивших университеты и институты. И подобные факты имеют место не в одной какой-нибудь области или районе, они характерны для всего СССР.

Особенно большое значение имеет та революция, которую произвела коллективизация в области женского вопроса. 3-4 года коллективизации ликвидировали века рабского закрепощения женщины. И совершенно естественно, что из наиболее решительных противниц коллективизации женщины стали теперь наиболее горячими ее защитницами, наиболее твердой опорой нового строя.

Все эти социально-экономические и культурные факторы, принесенные в деревню коллективизацией, создают исключительные возможности роста и развития сельского хозяйства. Но это никак не означает, что эти возможности удастся уже сейчас полностью реализовать. Здесь играет роль влияние разных факторов, из которых политика власти является, несомненно, одной из самых решающих. Труднее всего удается пока справиться с трудностями в тех ветвях сельского хозяйства, где машина играет меньшую роль, где требуется приложение особо большого количества труда, как в животноводстве или в области технических культур. Гораздо отчетливее успехи в отношении зерновых культур. Не только удалось приостановить снижение 31 и 32 года, но урожай 1933 и 34 г. превышает средние сборы периода зноя. В связи со все растущим подъемом последовательно улучшается положение колхозников. По данным ЦУНХУ по 10-процентному обследованию колхозов в 1932 году на одного работника в колхозе было начислено 119 трудовых дней, в 1933 г. — 147. По большинству областей и краев РСФСР доход колхозника выражался в 1932 г. в 268 руб., а в 1933 г. — в 324. Хотя по 1934 году еще нет обобщенных данных, но отдельные данные по районам и колхозам свидетельствуют о процессе дальнейшего роста дохода колхозника. Также и материалы, сообщенные на съезде колхозников-ударников, говорят о том, что колхозная деревня находится на подъеме.

**

Но вот встает вопрос о характере этого подъема. Не является ли рост благосостояния отдельных колхозов или групп колхозников показателем дифференциации колхозной деревни. Проповедь «зажиточности» со стороны власти не показывает ли, с другой стороны, что советская власть это расслоение поощряет. ставит ставку на «знатных» зажиточных людей колхозов. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно, очевидно, уяснить себе следующие моменты: присущи ли коллективизации такие социально-экономические черты, которые неизбежно обуславливают различные темпы подъема отдельных колхозов или дифференциацию внутри колхозов, и заинтересована ли власть во возвращении таких тенденций.

Не только в дореволюционной, но и в пореволюционной до-колхозной деревне социальное расслоение находило свое отчетливое выражение в том, что хозяйства более зажиточ-

На новую волну арестов

отвечайте

НОВОЙ ВОЛНОЙ ПОМОЩИ ССЫЛЬНЫМ И ЗАКЛЮЧЕННЫМ

ные имели более высокий производственный эффект (большую урожайность, большую удойность коров) и при меньших трудовых затратах на единицу объекта получали больший доход, чем хозяйства бедняцкие. Однако, эта возможность большего дохода кулака обуславливалась экономическими и производственными отношениями старой деревни, приводившими неизбежно к эксплуатации бедняка кулаком.

Достаточно сравнить это положение с нынешней колхозной действительностью, чтобы увидеть всю искусственность проводимых параллелей. В колхозе при обобществленной земле, при отсутствии частной собственности на орудия производства не может быть ни частного накопления в колхозном секторе, ни эксплуатации одних колхозников другими.

Конечно, это ни в какой мере не означает, что в колхозах установились идиллические взаимоотношения. В деревне происходит — с большей или меньшей остротой — борьба мелкособственнических и коллективистических начал. Имеется достаточное количество колхозников, которые стремятся только к тому, чтобы извлечь для себя лично из колхоза все, что только возможно, несколько не заботясь о колхозе, как целом. Однако, несомненно, что не эти группы являются сейчас решающими в деревне, не они определяют физиономию колхоза, а те массы активной молодежи, которые, почти не имея корней в прошлом, полны творческого энтузиазма в созидании нового строя.

Самый факт различной доходности колхозов или отдельных групп колхозников находит свое достаточное объяснение в том, что организация колхозов — дело исключительной трудности, что «детские болезни» роста не изжиты еще в промышленности, тем более — в сельском хозяйстве. И ошибочная политика власти, и плохое землеустройство, и неудовлетворительная организация труда — все эти моменты могут повлиять весьма неблагоприятно на производственный эффект. В том или ином отдельном случае могут оказать также влияние на результаты и злоупотребления — «кумовство» административного аппарата, ставящего ту или иную группу колхозников в лучшие условия. Но уж никак не приходится приписывать подобному моменту сколько-нибудь серьезное значение при определении результатов работы 240 тысяч колхозов и многих десятков миллионов колхозников.

Наоборот, нельзя не видеть, что организация колхозного производства ведет ко все большей нивелировке производственных условий. Уравниваются независимо от имущественного положения условия обработки всей земли, имеют равные права на участие в труде все члены колхоза. Когда на полях работают тракторы или комбайны, то они могут работать лучше или хуже — что определяется часто состоянием машины или степенью подготовленности тракториста или комбайнера, — но это не может стоять в зависимости от того, проходит ли машина по участку бригады Сидорова или Петрова.

Особенность колхозного производства и всей колхозной системы заключается в том, что создается внутренняя связанность отдельных частей. И агротехнические и культурные начинания требуют участия всех членов колхоза. Объединяет всех и общая материальная заинтересованность.

Сколько бы трудней ни выработал тот или иной ударник, та или иная бригада, вес этого трудодня определяется тем, как работал весь колхоз в целом, и доход колхозника зависит от дохода всего колхоза. Также и государство естественно заинтересовано в экономическом укреплении не отдельных групп, а всего колхоза в целом, так как только при этом условии тяжесть хлебозаготовок оказывается не столь ощутительной для колхозников.

В действительности, ни директивы власти и ее политика в этой области, ни практика, проводимая колхозами, не дают оснований для заключения о ставке на «знатных людей». Директивы, которые власть дает МТС, заключаются в том, чтобы в первую очередь обслуживать отсталые колхозы. Весь смысл соревнования между колхозами, между бригадами и звеньями бригады заключается в том, чтобы подтянуть отсталых и сделать те или иные производственно-организационные достижения общим достоянием. Верно, что колхозный съезд был съездом «авангарда», но та основная идея, которая владела и участниками съезда и представителями власти, заключалась не в самоизоляции этого авангарда, не в превращении его в касту «знатных людей», а в том, чтобы поднять все колхозы на уровень этого авангарда.

Но не поставлены ли вообще узкие пределы возможности подъема колхозной деревни? Прделанный опыт говорит обратном. Успехи «авангарда» ярко иллюстрируют возможности колхозного развития. Нет никакого сомнения, что при правильной политике власти, подчиняющей свои хлебозаготовительные планы задаче укрепления колхозов, будет достигнут быстрый рост сельского хозяйства и благосостояния крестьянства, а тем самым быстрый подъем всего хозяйства страны.

О. Доманевская.

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 41, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIÉ, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ПЕРЕЕЗД СЕКРЕТАРИАТА РСИ В БРЮССЕЛЬ.

С 6 апреля местопребывание секретариата РСИ перенесено из Цюриха в Брюссель.

Новый адрес секретариата:

162, rue de Laeken. Bruxelles, Belgique

БЕЛЬГИЙСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ.

После того, как «правительство банкиров», возглавлявшееся Тэнисом, неожиданно подало в отставку, наши бельгийские товарищи решили принять участие в составленном Фан Зееландом (католическая партия) коалиционном кабинете, включающем в себя представителей всех трех крупных партий парламента (социалисты, либералы, католики) и фигурирующем в качестве правительства «национального обновления». В 15-членное правительство вошло 5 социалистов: Деман (общественные работы и борьба с безработицей), Делаттр (министерство труда и социального обеспечения), Судан (юстиция), Спаак (транспорт и почта) и кроме того, наряду с вождями католиков Пуллэ и либералов Гюмансом, в качестве министра без портфеля Вандервельде, ставший одновременно вице-председателем кабинета. Основные, «командующие» министерства — военное, внутренних дел, финансов, торговли и промышленности — остались однако в руках представителей буржуазных партий. И в то же время главную ответственность за деятельность нового правительства будут нести социалисты, ибо лишь их группы в парламенте и сенате, соблюдая партийную дисциплину, поддерживали это правительство единогласно, между тем как и католики, и либералы лишь незначительным большинством своих групп выразили ему доверие.

Решение о вступлении в правительство коалицию явилось полностью неожиданностью не только для внешнего мира, но и для самой партии, ибо принято и осуществлено оно было руководящими инстанциями партиями и лишь задним числом одобрено экстренно созванным чрезвычайным съездом, поставленным перед совершившимся фактом. Одобрение дано подавляющим большинством голосов: делегатами, представлявшими 519.672 голоса против 41.902 при 18.928 воздержавшихся. И тем не менее в партийные ряды внесено сильнейшее смущение — не только тем «авторитарным» порядком, в котором было принято решение, но и теми условиями, на которых социалисты вступили в правительство.

На рождественском партийном съезде 1933 года было постановлено, что партия впредь сможет участвовать лишь в таком правительстве, в котором она будет руководящей силой и программой которого будет выработанный ею «Рабочий План». «Весь план, только план, ничего кроме плана!» — таков был с тех пор лозунг партии, под знаком которого велась вся ее агитационная и пропагандистская работа и во имя которого (см. статью т. Ивлева в предыдущем номере «Соц-

Вест.) подавлялся и пресекался ряд многообещающих массовых движений. Теперь партия оказалась в составе правительства, которое возглавляется не ею и которое ее плана, как программы, не приемлет. И далее: основной идеею плана было овладение финансовым, банковским аппаратом, как рычагом для регулирования всей экономической жизни страны. Теперь именно во имя спасения банков от краха, который и должен был дать повод и возможность взять их в руки государства, партия, до последнего дня борющаяся за сохранение золотого паритета франка, согласилась на его девальвацию, в которой повинна, правда, не она, а «правительство банкиров», но за которую она отныне взяла на себя ответственность. Правда, сторонники вхождения в коалицию и в числе их автор плана, Де Ман, объясняют, что программа нового кабинета восприняла известные черты Рабочего Плана и движется в «его направлении». Но тот же Де Ман неоднократно объяснял, что ничего не понимает в плане тот, кто думает, что его можно проводить по частям; что план представляет собою единое целое, все части которого неразрывно связаны друг с другом; что поэтому лишь осуществление его в неурезанном виде может дать те результаты — оживление экономической жизни и поглощение безработицы, на которые рассчитывали его авторы. В этом духе, повторяем, велась вся агитационная и пропагандистская кампания партии и тем большее смущение вызвала внезапная перемена позиции как раз среди тех, кто с особою верою и энтузиазмом шел кампанию за план.

Почему-же вожди партии приняли такое решение, противоречащее всей предшествующей позиции ее? Причины, побудившие их к тому, были разного порядка. Они испугались той экономической катастрофы, которую грозило падение франка и связанные с ним бегство капиталов и крушение банков. Они боялись, что без участия социалистов в правительстве вся тяжесть этой катастрофы обрушится на плечи рабочего класса. Они видели опасность возникновения фашистской диктатуры, к которой, как сказал один из ораторов съезда (Дож) склонялся и король. Они учитывали, наконец, крайне напряженное внешне-политическое положение. И вот — во имя устранения всех этих, совершенно несомненных и грозных, опасностей они и решились пойти по пути, несостоятельность которого сами так долго и так часто доказывали.

В этой связи надо отметить особый характер нового правительства — его возрастную молодость. Если оставить в стороне вождей трех партий, не имеющих портфелей и олицетворяющих преемственность развития, то самому старшему из членов нового кабинета, его председателю, нет и 42 лет. И внутри социалистической партии наибольшее сопротивление вхождению в коалицию оказывали именно старые вожди партии с Вандервельде во главе (как сам он рассказывал это в своем докладе конгрессу); Де Брукер и после образования правительства остался противником коалиции (см. его статью в «Пэпль» от 2 апреля). Наоборот, молодые вожди партии, независимо от левого или правого устремления их, зачастую выступали страстными поборниками участия в правительстве, и, как видно из того-же доклада Вандервельде, инициатором такого участия был Спаак, глава левой группировки, обвинившей впрочем, что своим поведением он сам исключил себя из ее рядов. В основе такого настроения молодых вождей лежит воспитанное в них «мистикой» плана нетерпеливое стремление к «активности», желание, как можно скорее, приступить к «практической» работе по осуществлению, если не плана, то хоть каких-то зачатков «управляемой» экономики. Таким образом «план», столько раз служивший предлогом для отказа от переживших себя будто бы форм массового движения во имя «новых» методов борьбы, направленных не на «реформы распределения», а на «реформы структуры», на деле оказался идеологической оболочкой для возрождения старо-реформистской тактики коалиции с буржуазией, тактики, исторически теряющей всякую почву под ногами. Ничто не могло нанести «планизму», как он понимался в Бельгии, более сильного удара и более жестоко скомпрометтировать его!

Вожди бельгийской партии пошли по этому пути, как сказал Вандервельде, «со смертью в душе», т. е. с весьма малой верой в успех предпринятого дела и с большой тревогой за его возможную неудачу, которая может сыграть поистине роковую роль не только для общего политического положения в Бельгии, но и для судеб бельгийского и, вместе с ним, международного рабочего движения. Разумеется, весь международный социализм проникнут горячим желанием, чтобы этого не случилось, чтобы бельгийские товарищи могли, если не добиться успехов на избранном ими пути, то, по крайней мере, своевременно покинуть этот путь без урона для своей партии и для всего рабочего движения. Но, по правде сказать, оптимистом на этот счет быть довольно трудно...

Ф. Д.

ПЬЕР РЕНОДЭЛЬ

2 апреля, на 64 году жизни на острове Майорка, куда загнала его длительная, тяжкая болезнь, скончался Пьер Ренодэль.

В его лице сошла в могилу красочная фигура старого социалиста-демократа, беззаветно преданного делу рабочего класса и социализма, но не видевшего других путей к успеху этого дела, кроме путей парламентской демократии, и именно поэтому всю свою страсть, которая при случае не останавливалась бы и перед применением революционных методов, вкладывавшего в борьбу за политическую демократию. Отсюда проистекал его «реформизм», отсюда — его непоколебимая приверженность к идее «левого блока», объединяющего всех республиканцев и противостоящего их всем видам политической и церковной реакции, во внутренней политике и его идеализация Лиги Наций, как демократической организации народов, в политике внешней, и отсюда же — его горячее участие ко всем партиям и организациям, страдающим от отсутствия демократической свободы, стесняемым в своем развитии и угнетаемым диктатурами, какого бы происхождения и социального облика эти диктатуры ни были.

Ренодэль был долгие годы ближайшим сотрудником и вернейшим учеником Жорэса и до последней минуты жизни сохранял благоговейный пиетет к памяти своего великого учителя. Но, не обладая ни широтой кругозора Жорэса, ни гибкостью его ума, ни его гениальной политической чуткостью, Ренодэль был не из числа тех учеников, которые обеспечивают бессмертие воспринятого ими учения именно тем, что самостоятельно и бесстрашно развивают и обновляют его применительно к новым условиям. Он был скорее догматиком жоресизма, усвоившим не столько метод его, сколько готовые лозунги и формулы, которые сам Жорэс, вероятно, изменил бы в новой обстановке. В этой новой обстановке новой, послевоенной эпохи Ренодэль ориентироваться не сумел. И отсюда — его политическая трагедия, которая для него, всем существом своим, всем сердцем жившего интересами рабочего движения и социализма, стала трагедией и личной.

Он порвал с партией, с которой был кровно связан с первых дней своей политической жизни, очутился за пределами Социалистического Интернационала, вне которого не мог дышать, оказался чужим и совершенно изолированным в той новой, «нео-социалистической» партии, за которую ухватился, приписывая ей, вопреки очевидности, свои, «жоресистские» идеи, и которая ухватилась за него лишь затем, чтобы использовать его для борьбы с социалистической партией и для перехода на пути, которые неизбежно далеко уведут ее не только от социализма, но и от демократии, как ее понимал Ренодэль. Одиноким политически и одиноким лично, порвавшим со старыми своими друзьями и не нашедшим новых, умирал в тисках мучительной болезни этот «последний могиканин», последний бесстрашный и непоколебимый рыцарь старого, до-военного социалистического реформизма.

Но облик этого пережившего себя, но самоотверженного, бескорыстного, искреннего и страстного борца за свободу и социализм заслуживает того, чтобы благодарная память о нем хранилась в рядах французского и международного пролетариата. И эту память будут чтить и хранить именно те, с кем он так трагически порвал: его долголетние соратники, французский социализм и Социалистический Интернационал.

Ф. Дан.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — В ожидании войны. — Настроение верхов и обывателя. — Каганович на транспорте. — Жить стало легче. — Продукты подешевели. — Недовольство зарплатами.

Последние недели проходят у нас под знаком возможной войны. Ни один проект, ни одно начинание не обсуждается сейчас без того, чтобы не была принята поправка на случай войны. Работа многих хозяйственных организаций уже, так сказать, «военизирована». Некоторые наркомы и даже вельможки пониже: начальники управлений и директора трестов уже перешли на военный стиль и ежедневно издают приказы. Особенно старается Каганович, деятельно взявшийся за упорядочение транспорта. Его было встретили на железных дорогах неприязненно и недоверчиво, но сейчас многим импонирует, что Каганович не командует из центра, а энергично изучает на месте, в депо и на линии, условия работы каждого машиниста и стрелочника. Пока результатов его рабо-

ПОМНИТЕ О ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ!

ты незаметно. А между тем упорно передают, что на Кагановича возложена задача упорядочить работу транспорта, именно потому, что признано, что транспорт является самым узким местом на случай войны. Не обошлось в этом ударном вопросе без давления извне, но это уже слишком деликатная тема... Войну считают очень вероятной. Но в верхах ВКП и в населении отношение к возможной войне различно. В то время, как рядовой гражданин допускает, что война вспыхнет вдруг, в ближайшие же дни, в верхах — полагают, что война не начнется в ближайшие месяцы. «Германия еще не готова», — утверждают осведомленные авторитеты. Но несколько удивляет то, что в верхах ВКП и среди видных хозяйственников придают большее значение дипломатическим переговорам, свиданиям с англичанами и французами, в населении же ни в каких возможных союзниках не верят, а все надежды возлагают на громадные пространства Союза, на разложение духа противника и наконец на партизанскую войну. Если к возможной войне с Японией население, по крайней мере Европейской России, отнеслось относительно спокойно, то сейчас трудно найти семью не охваченную тревогой за ближайшее будущее. Война понимается всеми, как воздушные налеты, бомбы, артиллерийский обстрел, ядовитые газы, возможная эвакуация мирного населения и пр. В былые разделение фронта и тыла никто не верит. Настроение отсюда весьма подавленное. Но при этом, пораженческих настроений мне не пришлось совершенно встретить не только в среде трудящихся, но даже и среди бывших людей. «Нужно обороняться». «Нас хотят превратить в рабов-негров», — это общее настроение.

Обывательски жить сейчас стало значительно легче. Благодаря возможности достать продукты на рынке жизнь как-то упорядочилась. Раз пять в неделю на рабочем столе появилось мясо. Молоко, яйца, картошка сильно подешевели. Хлеб сейчас приходится оплачивать, правда, дороже, но остальные продукты стало доступнее покупать. Хлеба едим меньше, но имеем другие продукты питания. Раньше дешевый картофельный хлеб приходилось обменивать на рынках и терять на обмене из-за непомерно высоких цен крестьян. Теперь обходимся без обмена, но цены на рынке стали много ниже. Скверно только то, что на рынках цена не твердая: сегодня одна, а завтра другая, да и за день несколько раз меняется в зависимости от подвоза и спроса.

Но все же стало значительно легче. Главное можно иметь какой-то бюджет в своем хозяйстве, жить по средствам, а не находиться в зависимости от выдач ОРС-в. Да и не приходится тратить долгие часы на стояние в очередях.

Затягивается на многих предприятиях перевод на новую, повышенную оплату. Много несправедливости при распределении прибавок — это вызывает недовольство.

2 апреля 1935.

А.

ИЗ ПАРТИИ

БАНКЕТ В ЧЕСТЬ ТОВА АБРАМОВИЧА В НЬЮ-ИОРКЕ.

Банкет собрал многочисленную публику и прошел с необычным энтузиазмом и воодушевлением. По словам «Форвертс'а», то был не только обычный банкет. То сошлись руководители и деятели всех отраслей нью-йоркского рабочего движения, чтобы установить принципы, выяснить задачи и кристаллизовать положение социалистического движения в Европе и важнейшие моменты в жизни американского социализма. Открыл банкет председатель Арбайтер-Ринга тов. Вайнштейн. С речами выступили т. т. Каган, Дубинский, Вальдман, Ханин и Владек. Все они давали блестящую характеристику тов. Абрамовича, как революционера и человека, подчеркивая его выдающуюся роль и громадные заслуги в истории Бунда и в работах Социалистического Интернационала, и отмечая его талантливые выступления, как оратора и журналиста.

В своей ответной речи тов. Абрамович прежде всего поблагодарил Арбайтер-Ринг, Форвертс и всю социалистическую прессу за необыкновенно теплый прием и предоставленную ему возможность объехать страну со своими рефератами. Далее он остановился на современном положении Европы, нарисовал мрачную картину Германии Гитлера, Италии — Муссолини и Австрии — Шушвига, отметил победу социализма в скандинавских странах и, говоря о советской диктату-

ре, указал на громадную роль небольшой русской социал-демократической группы, с ее органом социалистической мысли в борьбе за свободу и социализм в России.

Произведенный на банкете сбор в пользу Соц. Вестника дал 1.900 долларов.

От редакции. — За недостатком места отлагается до следующего номера статья Ф. Дана «О задачах русской социал-демократии».

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Знамя России, № 3 (67).

Бюллетень Экон. Каб. проф. С. Прокоповича, № 119, январь-февраль 1935.

Sozialistische Wiedergeburt. Herausgegeben von ISK (Intern. Sozial. Kampf-Bund).

Charles Rappoport. La Brochure mensuelle, № 3 (15), Mars 1935.

Karl Heinz. Nacht über Oesterreich. Herausgegeben: Sozial. Jugendverband f. d. deutschen Gebiete der Tschechoslowakischen Republik.

La Révolution Proletarienne, N° 195.

Zeitschrift für Sozialismus, Heft 18, März 1935.

Collectivist Economic Planning. Critical Studies on the Possibilities of Socialism by N. G. Pierson, Ludwig von Mises, Georg Halm and Enrico Barone. Edited, with an Introduction and a Concluding Essay by F. A. von Hayek. London. George Routledge and Sons, Ltd. 1935. P. 293.

Miscarea Socială, N° 8-10, Aug.-Oct. 1934, Bucuresti.

Dokumente zum Wiener Schutzbundprozess. Herausg. v. d. «Kom. für Unters. der Lage der polit. Gefangenen».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 17/3, 23/3, 6/4.

Отослано: № 5 и №-ра 33, 34.

НА СКЛАДЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА»

имеются следующие издания:

	ЦЕНА ВО ФРАНКАХ для подписчиков „Соц. Вестн.“	
	Вместо: 40% скид.	
Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тунике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
А. Jugow: Le Plan Quinquennal. ...	25,00	20,00
О. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	10,00
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!